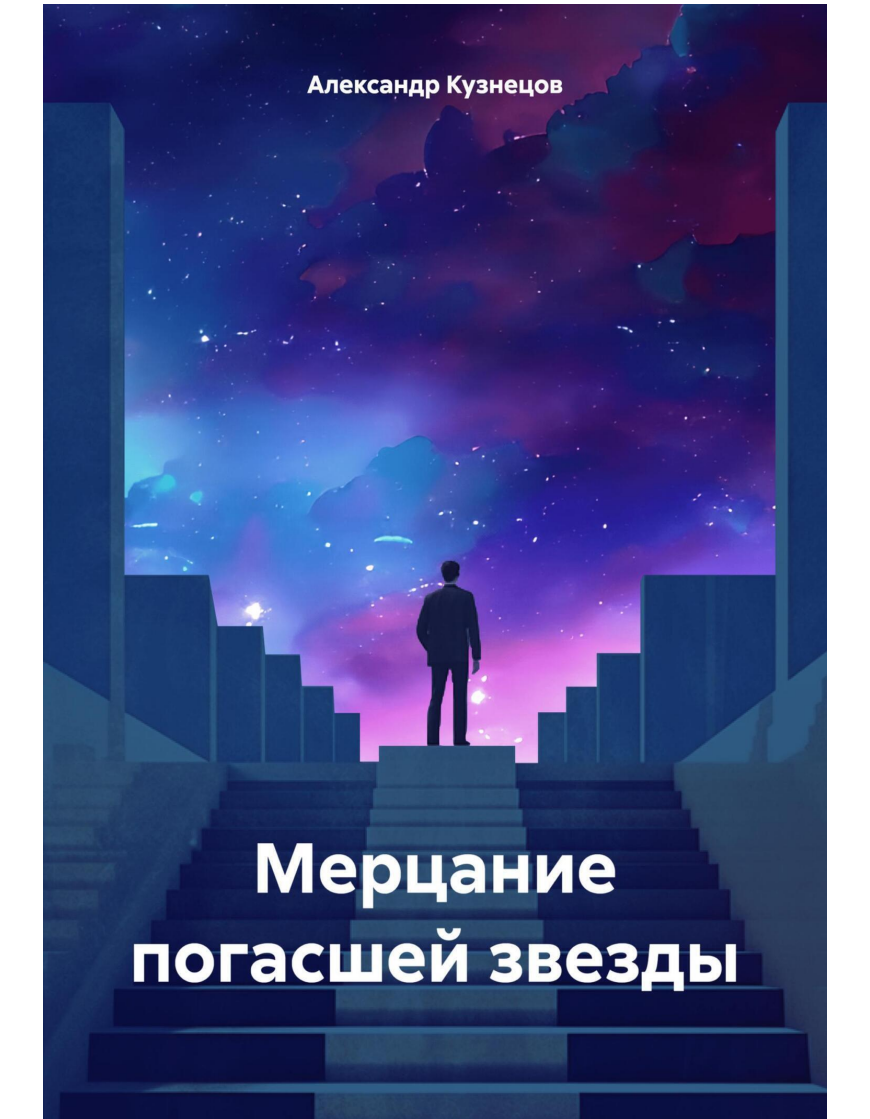

Александр Кузнецов

A person in a dark suit stands on a wide, dark staircase that leads up towards a vast, colorful cosmic sky. The sky is filled with stars, nebulae in shades of purple, blue, and pink, and a bright, glowing light source. The scene is framed by dark, vertical structures on either side, suggesting a futuristic or architectural setting. The overall mood is one of wonder and aspiration.

**Мерцание
погасшей звезды**

Александр Кузнецов

Мерцание погасшей звезды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70384288

SelfPub; 2024

Аннотация

Что есть наши воспоминания? Какое определение дать сущему которого нет? Автор рассказа слушает историю жизни неизвестного ему человека, застрявшего вместе с ним в чужом городе из-за нелётной погоды.

Александр Кузнецов

Мерцание погасшей звезды

Русская зима. Как зловеще должно быть звучит данный эпитет для иностранца. Для нашего же слуха это что-то отеческое с нотками бахвальства и досады. То, что неизбежно. Что часть нас самих.

Зимой короткий день и стужа не дают в полной мере проводить время на воздухе. В эту пору на всех центральных телеканалах назойливо торчит борода Советских фильмов. Одним словом – зима. Да вдобавок Русская.

Потому, любая заурядная встреча, любой тривиальный разговор кажется чем-то особенным, запоминающимся и важным. Как блёклый цветок последи серой тундры представляется дивным и красочным. Именно с таким по сути обыкновенным человеком мне довелось встретиться посреди снега и холода.

Он, как и я, как и многие другие, был вынужден коротать вечер, а возможно и ночь, в гостинице аэропорта города Хабаровск. Виновницей заточения людей была разгулявшаяся метель.

Когда я вошёл в отведённый мне номер гостиницы в нём уже располагался тот самый обыкновенный человек. Он колдовал возле чайника и постоянно кашлял. А заметив постороннего, на правах «хозяина», заговорил первым:

– У меня не ковид и не грипп. Кхе-кхе. Иначе бы меня не пустили в зону вылета. Мой кашель аллергический. Кхе-кхе. Сейчас выпью микстуру и всё пройдет. Кхе-кхе.

Я присел на свободную кровать и осмотрел вынужденное, с виду довольно приличное, соответствующее трём звёздам жилище. Свет в номере был зажжён лишь у ночников над кроватями. Излучаемое ими сияние больше походило на свет от костра или камина. Метель с воем настойчиво била по окну номера напрашиваясь в гости.

По комнате распространился приятный запах заваренных трав. Сделав пару глотков горячего напитка, мой сосед уселся на свою кровать напротив меня:

– Вам не предлагаю. Так как это лекарство. Кхе-кхе. Диего. Меня так зовут.

– А! Александр.

На вид ему было чуть больше пятидесяти. Его смуглое средиземноморского типа лицо, в купе с уверенным взглядом и сдержанной улыбкой являло человека отчаянного. Порусски говорил без акцента. Речь была быстрой, словно ножи метал. И казалось, что если бы он говорил спокойнее и тише, то меньше кашлял.

Для меня он был человеком неизвестным в настоящем и как представлялось мутным в прошлом. Мне захотелось разгадать эту, возможно опасную для меня, загадку:

– Вы иностранец?

– Американец. Кхе-кхе. В том смысле, что живу в Перу, а паспорт у меня Панамский. Удивлены моей правильной русской речью? Кхе-кхе.

– Немного.

– Дайте время допить, чтобы я перестал кашлять. Кхе-кхе. А там, если всё ещё будите заинтересованы в разговоре поведаю мою историю происхождения.

– Охотно послушаю.

Диего отхлёбывал большими глотками варево и с наслаждением выдыхал со звуком, словно купец за блюдцем чая. Я без надежды заглянул в телефон и пролистал сообщения от службы аэропорта. Затем с таким же отсутствием энтузиазма посмотрел прогноз погоды.

– Что пишут? Глухо? – Спросил Диего, избавленный от кашля.

– Да. Похоже до утра куковать придётся.

Последующая речь жителя Перу была плавной и тихой. Совсем русской.

– Давненько я не говорил так много по-русски. Признаться, думал разучился.

– Вы, должно быть, учились у нас?

– Целых двадцать лет. Ха-ха. Я в Советском Союзе родился. Вам сколько лет?

– Двадцать два.

– Вот-вот. Мне тогда столько же было, когда я покинул страну. Дальневосточник?

– Приезжал к родителям. Они в Солнечногорске живут. Теперь к себе в Питер пытаюсь вернуться.

– Забавно. Мои родители из Ленинграда. Вообще, предки наши из Толедо. Есть такое местечко в самом центре Испании. После гражданской войны на Пиренеях, Советский Союз принял у себя многих испанцев. Среди них были и мои родичи. Дед участник той войны закончил её под Ленинградом, вновь встретившись с фалангистами. Бабушка с годовалым ребенком, моим будущим отцом, были в эвакуации во Владимире. По окончанию блокады Ленинграда вернулись в город восстанавливать хозяйство. А я уже в 69-ом на свет появился.

Диего замолчал. О чём-то задумавшись, он поигрывал пустой кружкой пальцем, просунутым в дышину фарфоровой посуды. Тяжело вздохнув, поставил кружку на столик, посмотрел на меня своими быстрыми чёрными глазами и улыбнулся:

– Вот так вот.

– Решили посетить места юности?

– Да не. В Китае читал лекции. Занимаюсь этнографией и языковедением индейцев Центральной и Южной Америки. В Пекине познакомился с одним занимательным человеком

здешних краёв. Он собственно и затащил меня в Россию. Ха-ха. Много любопытного показал и рассказал мне о малых народах Дальнего Востока. Думал за пару дней обернусь. Теперь вот расплачиваюсь за любознательность. Ха-ха.

– Ясно. И как вам в новой России? Ну, если сравнивать с тем что было и сейчас?

– У, брат, я не тот, кого можно об этом спрашивать. Ведь я никогда не жил в России.

– Ну почему. Россия – правопреемница СССР. Да.

– Я родился в Каунасе.

– Ну и, что?

– Учился в Кутаиси. Службу проходил в Термезе. А страну покинул, улетая из аэропорта города Киева. Вообще удивительно, несмотря на разность культур и традиций в Советском Союзе всех нас объединяла какая-то общность. Эта непохожесть обогащала нас. Какой-то неведомый магнит довольно долго скреплял страну не давая разлететься на части.

– А почему за границу уехали?

Диего опустил голову и иронично хмыкнул. Проверив не осталось ли чего в кружке, развалился на кровати и устремил взор в потолок. На фоне тусклых ночных ламп его глаза блестели:

– История схлопнулась. Кончился Рим. Мы словно стали Америкой – страной иммигрантов. Думаю, что даже русские в РСФСР ощутили это. Новые символы, новая валюта, эконо-

номика. Новый менталитет. Новая вера, история. Всё новое. Другое. Уходил в армию всё казалось незыблемым, а вернулся, будто в иное измерение попал. Я тогда понять ничего не мог. Два года прошло и такое преобразование.

Рассказчик вновь умолк. Я, в предвкушении долгого и интересного разговора, последовал примеру собеседника: растянулся на кровати и подложив руки под затылок, впялился в потолок:

– Теперь у нас мало пишут о тех событиях.

– Такова защита человека. Всё плохое он забывает.

– А в СССР хорошо было?

– В юности всё кажется прекрасным. Так как многого не знаешь. Теперь же я будто Шумерский герой Гильгамеш – тот, который всё повидал. До десяти лет жил в Каунасе, Литовская ССР. Первая любовь, первое разочарование. В третьем классе был влюблен в свою одноклассницу. Я был счастливецом – так как любовь моя была взаимной. Мы наслаждались привязанностью так, как могут наслаждаться дети нашего возраста.

С ней за партой сидела её подружка. Она тоже была влюблена в меня. Нет, это было не подражание счастливой подружке. Она испытывала неподдельное чувство ко мне. Я видел её грусть и мне было жалко её до такой степени, что однажды решил поддержать её. На день 8 марта все мальчики класса собрались сделать подарки девочкам. Мне показалось от-

личной идеей подарить игрушку несчастной подружке.

Как-то, уже будучи взрослым, я прочёл в Евангелие странное изречение: «Если вы любите тех, кто любит вас, то в чём ваша заслуга?» Тогда, в третьем классе, своим поступком я добился лишь того, что дал ложную надежду одной и поссорился с другой.

Впрочем, эта история дала мне возможность легче пережить расставание, когда наша семья переехала в Грузинскую ССР. Там я очутился в ином мире. Этот край мне показался сказочным местом. Где горы – заколдованные великаны. А диковинные деревья и звери могли говорить, но не делали этого из стеснительности перед чужим. Где непременно должны были существовать волшебники и герои. С одним из таких воображаемых героев мне удалось даже сдружиться. По причине совместного увлечения чигаоба и учёбы в одном классе. Он был из Понтийских греков. Нестор – мой учитель в доблести и невинных проказах.

На закате Советского Союза «Македонец» был «авторитетным» человеком и одним из хозяев ночного Киева. Жизнь свою он закончил в 23 года.

После пяти лет наших совместных с ним приключений в Грузии, Нестор со своими переехал в Киев. И сразу всё мне стало в Кутаиси обыденным и скучным. Никакого волшебства. Одна лишь детская выдумка. Вскоре и моя семья вернулась в Каунас.

Правду говорят: «Не возвращайся туда, где был однажды

счастливы». Старая школа – меня и республика – всех нас встретила по-Балтийски прохладно. Встреча с моей первой любовью была довольно сдержанной. Словно не было никакой привязанности в прошлом. Скупо поздоровавшись мы молча разошлись. Признаюсь, я ощутил облегчение, так как давно не испытывал чувств к ней. И как мне показалось это моё новое состояние было взаимным. По крайней мере я заметил в её лице смущение в момент нашей встречи. А когда она тихо со мной поздоровалась её глаза бегали по сторонам, словно опасаясь, не смотрит ли кто на нас.

Детская любовь столь быстротечна, сколь скоро становятся малы наши одежды в этом возрасте. Да, мы можем менять вещи с сожалением. Но эта замена естественна и неизбежна. А порой мы даём донашивать свою одежду младшим. Мой бывший товарищ по парте, а ныне ухажёр моей первой любви, делал вид, что не знает меня. А когда, случайным образом мы оказывались совсем близко отворачивал голову. Нет, меня это несколько не задевало и даже не удивляло. После Грузии все местные были словно мумии. Безрадостные, молчаливые, не контактные. Скучные краски города и природы вызывали у меня тоску. Мне даже казалось, что всё вокруг понарошку. Что я смотрю кино, где случайным образом произошла подмена цветного кадра на черно-белый.

Надо сказать, что в то время в Литовской ССР всю шло брожение в умах, и усиливаясь с каждым днем грозило вырваться наружу. Появлялись провокационные надписи на до-

мах и остановках. Неприязнь к людям не понимающих местный язык и к стране в целом была для коренных само собой разумеющейся. Я впервые ощутил себя белой вороной. Вернее, чёрной. Ха-ха. Копчёный – прозвище, которое мне там дали за глаза.

Как-то, в школе состоялся футбольный матч между классами. Я учился в другом классе, чем мои прошлые знакомые. Нас, не Литовцев, перешедших в 9-й класс, укомплектовали в «В» класс. «А» и «Б» классы были исключительно для коренных, и частью для тех, чьи родители были приближены к власти и торговли.

Матч не задался с самого начала. Тот самый, бывший товарищ по парте, а теперь соперник по игре, демонстративно не стал жать мне руку в приветствии. Не знаю, пожимал ли он руки кому-то из нашей команды или нет. Не видел. У меня в то мгновение глаза кровью залились. Впервые в жизни мне захотелось поквитаться. Во время аута, я принялся выбрасывать мяч из-за головы. В этот момент увидел перед собой своего обидчика. Он всячески блокировал нашего игрока, которому я хотел сбросить мяч. Я всё же скинул мяч, но прямо в его физиономию. Мяч отскочив от его лица, снова ушёл в аут. Я поднял мяч для нового сброса. Но мой соперник, выбил его у меня из рук. Подступил ко мне в плотную и обозвал копчёной шпротой. Ха-ха. Он тут же получил от меня удар. Но уже не мячом. Футбольный матч быстро перерос во всеобщую потасовку и свалку.

Девятый класс я так и не окончил. После переезда в Киев, я объявил родителям, что пойду работать. Тем более возможностей сколотить состояние теперь было масса. Помимо русского и испанского языка, я довольно сносно мог изъясняться ещё на четырёх. Кстати, моя мама из Голландских переселенцев XIX века. Эти знания давали мне преимущество в общении с интуристами. Отец был не против моего бизнеса, если я пойду учиться заочно на юридический.

– Диего, а почему именно в Киев переехали?

– Была ещё возможность уехать в Ленинград. Для отца это было даже предпочтительным, но на общем совете решили, что лучше для нас всех будет жить там, где половина русских, а половина украинцев. Мы посчитали, что в Ленинграде нам могли бы сказать, что Россия только для русских, как писали на заборах в Каунасе, что Литва для литовцев. Признаться, тогда, мне было всё равно. Я был согласен с папой. Для меня он был авторитетом. Никогда не называл его папашей, папулей или батей. Только папа. Панибратства ни я, ни отец не допускал меж собой. Родители для детей должны иметь сакральное значение. Как учитель для школьника. Как власть для народа. Только тогда есть уважение. А когда преподаватель сидя на столе травит ученикам анекдоты. Когда избранный президент ездит на велосипеде и ходит в свитере и джинсах. Какое тут уважение? Разве родителей выбирают? Разве голосуют за них? Они даны нам свыше. Так и власть должна быть помазанной. Теперь этого нигде не нет. Разве

что в Саудовской Аравии.

– А если отец пьяница и деспот?

– Кто не без греха. Порою ребенок страдает и злится на то, что его родитель был к нему несправедлив, но он никогда не скажет отцу – Вон! Своей ровне сказать может. Отцу никогда. Не помню, кто-то сказал: «Если власть жестока – мы страдаем. Если власть слаба – мы гибнем».

– И что, в Киеве разговоров о национальности не было?

– Да были. Но в ту пору дальше каламбура это всё не заходило. Киев, надо сказать, мне сразу понравился. По-советски ампириный, парадный. А какие там девчата. Сладко вспомнить, да грех рассказывать. Тем более вы человек молодой, а я глубоко семейный. Ха-ха. Через три года, в складчину с родителями приобрели кооперативную квартиру в центре города. Юридический я так и не закончил. Был призван в армию.

– На границе служили?

– Да. В Термезе. Но не долго.

– Афганистан?

– Нет. Меня после присяги в Крым перевели. Затем Куба, Никарагуа.

– Разве срочников туда посылали?

– Там вообще наших военных не было. Я вот, к примеру, был специалистом сельскохозяйственных машин. Ха-ха. Учил местных выращивать кофе. Именно в Мискито я заинтересовался языком, фольклором, традициями индейцев.

Думал после армии в Москву поехать, поступить на исторический. Вернулся домой в 89-ом, а дома уже не было. Родители в Испанию уехали. Говорили, что я могу там продолжить учёбу. Приехал к ним, посмотрел, да только на два месяца меня и хватило.

– Почему?

– Чужое мне там всё было. А местные, какие они к чёрту Испанцы. Сплошь одни Европейцы. Вернулся в Киев. Встретил Нестора. Своего школьного друга из Грузии. Помог ему отыскать его дядю. Известный в городе антиквар и миллионер был. Нет, никакого криминала не было. Просто старый человек. Забыл где живет. А дальше пошло то, от чего меня начинает мутить. Загулы. Разборки. Снова загулы. И каждый новый день напоминал день вчерашний. Как знать. Быть может смерть Нестора спасла меня.

На его похоронах я познакомился с одной его приятельницей. Начинающей актрисой. Она просила помочь с наследством. В Дрездене её биологический отец отошедшей в мир иной завещал дочери, которую никогда не видел, квартиру. За улаживание дела мне полагалось четверть от продажи квартиры. В принципе, она и сама могла бы всё решить. Дело было хоть и канительным, но заведомо выигрышным. Но, девушка, одна, без языка и с чужими законами. Немецкая семья покойного билась до последнего, хотя мы им и предлагали отступную. Полгода, пока решалось её дело, мы жили с ней в одной съёмной квартире, на её средства от работы в

ночном клубе. Помещение мы использовали лишь для сна и попеременно. Я – ночью, она – днём.

После получения денег за квартиру она уехала покорять Голливуд. Но кажется не удачно. По крайней мере фильмов с её участием не встречал. Я же, заделался частным детективом. Заказы получал в основном в Европе, а работал в Центральной и Южной Америке. Специализировался на поиске пропавших людей. Почти два года удавалось колесить по миру с паспортом страны которой уже не было. Конечно в последствии пришлось обзавестись новыми документами. Приобретённых связей хватило на легализацию в Панаме. Молодость позволяла мне странствовать и не страшиться опасностей. Даже мечту свою отодвинул. Пока не познакомился со своей будущей женой. Семейная жизнь и роль кочующего сыщика не совместима. Удивительно то, что Лусия, жена моя, оказалась сотрудником музея древностей города Лима. Занимается доколумбовыми цивилизациями Центральной и Южной Америки. Встретив её всё в моей жизни успокоилось, упорядочилось и встало на место. Судьба и мечта соединились.

Да! Ха-ха. В Европе, ещё когда я играл в сыщика, у меня случился привет из прошлого. В Роттердаме я встретил свою первую любовь. Сама ко мне подошла в кафе. Я бы её не узнал. В 90-х вышла замуж за голландца и переехала к нему на родину. Родила двойню. Страшно обабилаась. Рассказала, что в разводе и что детей суд оставил за отцом. Из-за плохого

знания языка не может найти достойную работу. Впрочем, говорила она об этом легко, не жалуясь. Даже, как мне показалось, обиделась на меня, когда я допустил возможность возвратится ей в Литву. Она ответила, что-то вроде: «В этой стране только одни неудачники остались». Больше я её никогда не видел. Ух! Однако уже ночь.

– Да. Половина первого.

– И ветер стих. Александр, как насчёт отдохнуть?

– Пожалуй.

Метель действительно наигравшись за день решила вздремнуть на своей же наметённой белой перине. Диего погасил свой ночник. Прележав с минуту с открытыми глазами, он повернулся ко мне спиной и тут же уснул. Я же, достал планшет, и пока было свежо в памяти, постарался набросать основные моменты нашего разговора. Параллельно, мне приходилось бороться с подступившей усталостью. Вскоре я обессилел и не отключив ночник и планшет погрузился во тьму.

Проснувшись ближе к обеду, я не застал Диего в номере гостиницы. Так как его Пекинский самолет улетал раньше Питерского.